

С. В. Голикова
**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ АНТИРАБИЧЕСКИХ ПРИВИВОК
КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРАНСФЕРА
В РОССИЮ ПАСТЕРОВСКОГО МЕТОДА
(НА ПРИМЕРЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «НИВА»)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-45-54

УДК 94(47)“18”

ББК 63.3(2)53

Статья посвящена популяризации знаний об антирабических прививках как способа продвижения достижений бактериологии. Эта культурная практика стала одним из условий трансфера в Россию разработанной в 1885 г. Л. Пастером иммунопрофилактики бешенства. Анализ с помощью социально-психологического подхода публикаций в иллюстрированном еженедельнике «Нива» показал, что этот популярный журнал фокусировался не на научном поиске, а на его готовом продукте, стараясь воздерживаться от представления логических доказательств и аргументов. Самыми распространенными формами журнального контента были сведения о появлении пастеровских станций и институтов — материализованного результата внедрения инновации (и визуализация этих объектов), обращение к статистике, апелляция к авторитету знаменитых ученых и глав государств, поощрявших французского бактериолога наградами и деньгами. Еженедельник стремился сформировать у потенциального потребителя вакцины представление не столько о прививках вообще (после иммунизации против натуральной оспы это был пройденный этап), сколько о специфике антирабической вакцинации, которую характеризовали курс из многочисленных прививок, постэкспозиционность, использование не ланцета (как в оспопрививании), а инъекций. Попутно в материалах журнала читателю представлялась важная для усвоения этого трансфера информация об аттенуации микроорганизмов (в случае водобоязни ослабление вирулентности патогена достигалось путем высушивания), о дезинфекции и стерилизации, о значении животных-продуцентов (кроликов) и лабораторных животных в зарождающейся иммунобиологической промышленности.

Ключевые слова: *трансфер, культурная практика, популяризация, иммунопрофилактика, антирабическая прививка, журнал «Нива»*

Станции вакцинации против бешенства появились в России в 1880-х гг., как только Л. Пастер разрешил импортировать свой метод. Рост их числа свидетельствовал об эффективности переноса этой сложной биотехнологии в Российскую империю. Уже в 1886 г. возникло пять пастеровских станций.¹ К началу Первой мировой войны на территории страны функционировало 32 подобные организации.² Однако для обеспечения их пациентами требовалась информированность самых широких слоев населения о возможностях прививок. Количество воспользовавшихся ими людей свидетельствует, что эта важная проблема рецепции постэкспозиционной профилактики антирабической вакциной была успешно ре-

шена. Максимум был достигнут в 1913 г., когда от водобоязни привилась 41 тыс. человек.³ Востребованность этой (довольно сложной) процедуры у россиян показывают и прививки «из предосторожности» и в «видах предупреждения», которые медицинский департамент МВД в отчетности станций стал фиксировать с 1887 г. Затем число лиц, делавших их и, следовательно, безусловно уверенных в безопасности и действенности пастеровского метода, возросло настолько, что была придумана специальная формулировка — «лечившиеся из мнительности» — и в отчетности стали выделять ее отдельно. В 1904 г. мнительные составляли 3,7 % от общего числа привитых, к 1913 г. их доля возросла до 6,7 %.⁴

Авторы, писавшие об иммунизации против бешенства, обращались к теме популяризации прививок, выявив главный ее источник — прессу, прежде всего периодику. Однако они

¹ См.: Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 год. СПб., 1889. С. 227–229, 231.

² См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 год. Пг., 1916. С. 56.

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: avokilog@mail.ru

³ См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг., 1915. С. 65.

⁴ См.: Там же; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1904 год. СПб., 1906. С. 270.

уделяли внимание либо изданиям для медицинской профессиональной корпорации, например, газете «Врач»,⁵ либо местным, например, одесским или самарским газетам, которые прежде всего освещали кампании по сбору средств для отправки укушенных в Париж, а затем и открытие станций.⁶ Эти газеты воздействовали на ограниченную аудиторию. Цель нашей статьи показать возможности более мощного проводника знаний об антирабической вакцине — еженедельника «Нивы». Этот, наверное, самый успешный проект дореволюционного издательского маскульта позиционировал себя как «иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни», предназначенный для семейного чтения, выходил длительное время, относился к популярной периодике и в качестве целевой аудитории рассматривал всю читающую Россию. В стране с большой территорией, с множеством удаленных населенных пунктов, с малообразованным населением с низкими доходами, для которого одним из немногих источников информации являлись газеты и еженедельные журналы, такой формат действовал особенно эффективно. По сведениям С. Я. Махониной, в начале XX в. тираж «Нивы» доходил до 250 тыс. экземпляров, являясь самым высоким из всех, какие «когда-либо имела журнальная периодика в России».⁷

К исследованиям «пастеризации» мира применима теория культурного трансфера М. Эспаня. В частности, на это указывает Б. Латур в своей работе «Пастер: война и мир микробов»: «почти всегда полагают, что предмет науки, распространение идеи, ее жестикация и метод не составляют особой проблемы, проблематично лишь складывание идеи или жеста. Идея или практика не перемещаются из А в В посредством одной лишь силы, которую придает ей А; нужно, чтобы ее подхватило и переместило В».⁸ Анализируя, каким образом происходило такое перемещение в рассматриваемом им случае, исследователь отмечал, что спасти

укушенного бешеным животным можно было лишь «ценой повсеместного внедрения новых профессий, учреждений, лабораторий и знаний».⁹ Специалисты, занимавшиеся историей пастеровских станций в России, собрали большой фактический материал о введении прививок от бешенства, в том числе о трансляции знаний, представлений, информации по бактериологии, микробиологии и медицине, связанных с этим процессом.¹⁰ Особенно полезна статья Э. Хектен, на примере создания пастеровской станции в Одессе изучившей «особенности культурной географии бактериологии» и анализировавшей становление «местной науки» в связи с «переносом технических приемов, экспериментальных данных, материалов (и даже персонала)» из лаборатории Л. Пастера на юг России.¹¹ Поскольку теория трансфера делает акцент на механизмах перемещения смыслов, то анализ имеющейся в «Ниве» информации о вакцинации против бешенства из транскультурной перспективы будет сосредоточен на выборе журналом стратегий и тактик, обеспечивших действенность представления пастеровского метода российской публике.

Сплошной просмотр номеров «Нивы» с 1885 г. выявил 16 текстов (иногда с рисунками и фотографиями), которые посвящены прививкам от бешенства (или те упомянуты в них). В 1885 г. эти материалы были размещены в одном номере, в 1886 г. — в пяти (в двух — с иллюстрациями), в 1887 г. — в двух. С 1889 по 1895 гг. подобные тексты появлялись в одном номере (за исключением 1893 г.). Затем последовал перерыв до 1913 г., когда такие тексты печатались в двух номерах. Почти половина из них в виде заметок появилась в разделе «Смесь», три текста с изображениями размещены в разделе «К рисункам», два небольших

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ См.: Алексеев И. Е. Предпосылки и основные этапы создания Бактериологического института при императорском Казанском университете // Развитие регионоведческих исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления. Казань, 2018. С. 213–237; Андриюшкевич Т. В., Мазинг Ю. А. Санкт-Петербургская пастеровская станция // Медицинский академический журнал. 2011. Т. 11, № 3. С. 112–121; Гнеушев С. М. Бактериологический институт имени Ивана и Зинаиды Чуриных при Томском Императорском университете: к истории открытия // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Томск, 2005. С. 217–220; Мазинг Ю. А., Андриюшкевич Т. В. Создание института, подобного Пастеровскому в Париже (к 125-летию указа императора Александра III) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. № 4. С. 226–254; Ретин Н. Ф. Указ. соч.; Шерстнева Е. В. Указ. соч.

¹¹ Хектен Э. Указ соч.

⁵ См.: Шерстнева Е. В. Первые пастеровские станции в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 2. С. 56–59.

⁶ См., напр.: Ретин Н. Ф. Исцеление обреченных. Краткая хроника самарской пастеровской станции // Гротовские чтения — 2018. Самара, 2019. С. 65–83; Хектен Э. Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знания в построении российской бактериологии // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 37–62.

⁷ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. М., 2004. С. 269.

⁸ Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб., 2015. С. 47.

сообщения — в разделе «Разные известия». Четыре более пространные текста можно отнести к статьям, одна из них была передовицей. Как правило, авторы еженедельника не оставляли подписей под своими текстами, в лучшем случае ограничивались инициалами. Поэтому их фамилии установить не удалось. Очевидно, что трансфер характеризуют сообщения за 1885–1895 гг. Те из них, которые появились в XX в., могут подводить итоги и отмечать особенности антирабической вакцинации.

О новом открытии Л. Пастера журнал уведомил своих читателей весьма оперативно — в одном из последних номеров за 1885 г. сообщалось, что в качестве прививочного материала брался мозг «издохшего от бешенства кролика», на который воздействовали с помощью высушивания. Прививки начинали наименее ядовитыми мозгами 14-дневной сушки. «Вторая прививка состояла из такого же мозга, сушившегося одним днем менее. Эти прививки (числом 13) продолжались по два раза в день до тех пор, пока был достигнут максимум ядовитости водобоязненной материи». По прошествии семи дней наступало выздоровление. Трудно не заметить в подаче информации о выработке иммунитета сходство с популярнейшим в России романом «Граф Монте-Кристо» еще одного известного француза — А. Дюма, в котором дедушка Нуартье регулярно, с малых доз приучал свою внучку Валентину де Вильфор к яду, постепенно увеличивая его дозу, и добился нужного результата — организм девушки выработал противоядие, благодаря которому смертельная порция отравы на нее не подействовала.

Наряду с облегчавшим читателю восприятие новшества ассоциативным методом, автор текста воздействовал на его эмоции. Историям пациентов французского ученого он пытался придать драматизм: первому — Жозефу Мейстеру всего девять лет, от укусов он получил 14 ран, и признаки бешенства уже начали проявляться, второй — молодой пастух Жупиль, был укушен бешеной собакой, пока спасал от нее ребенка. Срабатывала и тактика подстройки — образы мальчика и самоотверженного юноши читатели «журнала для семейного чтения» могли легко примерить на себя и идентифицировать со своими близкими: личный опыт людей того времени свидетельствовал, что на месте подопечных Пастера мог оказаться любой из них. Таким образом, внимание аудитории перед рассказом о вакцинации

было привлечено к негативу: ситуация, в которой находились жертвы бешеных животных, изображалась трагичной — медицинский консилиум признал смерть Жозефа без прививки неизбежной, а пастуха вообще доставили в Париж поздно — на шестой день. Делалось это с целью вызвать к ним сочувствие. Научный вес и убедительность информации должны были придать упоминания Парижской академии наук, сподвижников Пастера, видных французских ученых Гранси и Вюльпиана. Последний высказал мысль, близкую автору материала и его российским читателям, о том, что, поскольку «Пастер будет иметь больше пациентов, нежели, сколько он может пользоваться», то метод выйдет за пределы его лаборатории и, возможно, дойдет до России.¹²

В первом — ознакомительном — тексте «Нивы» о пастеровских прививках перекодировка научного знания в научно-популярное включала в себя обращения к рациональности, эмпатии и страхам читателей для возбуждения интереса даже у самых скептических из них. В 1886 г., который ожидаемо стал лидером по вниманию журнала к вакцине, тактика редакции изменилась. Второй номер «Нивы» открывался статьей о Л. Пастере и публикацией его портрета. Знакомство аудитории с темой в этот раз было организовано по принципу оптимистичного (позитивного) прогнозирования через временную триаду (прошлое — настоящее — будущее). Читателям поведали предысторию открытия: «Первые данные на пути исследования бешенства вызвали волнение в медицине и многие светила науки отнеслись к ним недоверчиво и недоброжелательно». Однако «дальнейшие опыты и исследования Пастера убедили в справедливости его предположений», и за два года до публикации исследователь нашел способ прививками «ограждать» от бешенства собак, после чего ему «явилась мысль применить подобное прививание к людям». В рассматриваемое время он, как показали результаты первых прививок, это осуществил, и президент Парижской академии наук А. Булей после доклада коллеги о выздоровевших пациентах заявил: «Нынешний день составит эпоху в летописях французской медицины, и быть может в летописях медицины целого мира».¹³

¹² В последнем заседании Парижской академии // *Нива*. 1885. № 46. С. 1119.

¹³ Луи Пастер // Там же. 1886. № 2. С. 34.

Автор журнальной передовицы присоединился к высокой оценке, предрекая инновации блестящую будущность: «Излечения эти — торжество человеческого ума и имя Пастера навсегда останется славою науки».¹⁴ Воздав должное французскому ученому, он перешел к формированию у читателей представления о постэкспозиционности — главной характерной черте антирабических прививок, ставящихся людям. В отличие от обычной профилактики, бешенство иммунизировали не заранее, а после нападения и укуса животного. Первоначальная идея Пастера заключалась в том, что для этого «совершенно достаточно времени между укушением и обнаружением признаков водобоязни». Однако у животных иммунитет появлялся через 3–4 месяца, и ему потребовалось два года экспериментов, чтобы сократить это время до инкубационного периода.¹⁵

Специфика популяризирующей науку журналистики заключается в рассказе о гипотезах, истина которых не доказана окончательно. Так было и с прививками от водобоязни. Их уязвимым местом оставалось то, что все исследования не позволили обнаружить микроорганизм, против которого они были направлены. Поскольку свойства возбудителя оставались неизученными, то о «способе действия постепенно усиливаемого яда, введенного в организм», Пастер высказывал «только одни предположения». Их автор текста передал как можно точнее к оригиналу, и ему не удалось избежать узкоспециальных терминов: «...микробы при размножении выделяют известное вещество, род неорганического фермента, умерщвляющего их самих. При значительном размножении микробов увеличивается и количество уничтожающего их фермента».¹⁶

С третьего текста, опубликованного в № 12 за 1886 г., еженедельник приступил к осуществлению важной задачи — привлечению внимания к социально значимому проекту создания пастеровских станций. Его освещение началось с почина принца А. П. Ольденбургского открыть при ветеринарном лазарете конногвардейского полка в Санкт-Петербурге пробное отделение «для прививки яда по способу Пастера». Эта важная новость свидетельствовала о начале трансфера самой технологии в Россию и давала ее жителям надежду поставить прививку (если понадобится), не выезжая

за границу. Отделение только разворачивалось: с марта собирались прививать собак, а затем и людей. Сообщалось о докторе Крутлевском, научившемся в Париже делать прививки, расходах принца, составивших уже 5 тыс. руб., и коротко об устройстве нового учреждения: «В первой комнате стоят клетки с животными, столы для вивисекции и прививки, во второй — шкафы с различными хирургическими инструментами, аппаратами для дезинфекции и пр.»¹⁷ Уже эти сведения показывали, что дело борьбы с бешенством затратное и высокотехнологичное. Неизбежно появлялась и тема лабораторных животных, используемых в бактериологии в большом количестве.

Ко времени подготовки № 16 за 1886 г. в распоряжении редакции оказалось два новых канала продвижения знаний о «замечательном открытии на пользу страждущего человечества» — первая статистика прививания и изобразительные материалы. Используя их, можно было дать более конкретное представление о процедуре и результатах прививок. «Нива» относилась к журналам, в которых иллюстрациям, по подсчетам современных исследователей, отводилось в 1,5 раза больше площади, чем тексту, и они помогали раскрывать содержание научно-популярных, познавательных материалов.¹⁸ Именно таким потенциалом обладал рисунок Мейера с подписью «Лечение водобоязни в заведении Пастера в Париже. Привитие яда». Он продолжал намеченную ранее тему устройства прививочных учреждений и показывал на переднем плане (как говорилось в комментарии) мальчика, привезенного родителями из Америки, которому два доктора ставили укол. Находящаяся на заднем плане публика с напряженным вниманием — а Пастер задумчиво — наблюдали за процессом. Читатель видел важные подробности процедуры: прививки ставятся в живот, на столике — прикрытые салфетками рюмки с вакциной и в ящичке шприцы для ее инъекции, следовательно, вакцинация поставлена на поток и скоро кое-кто из зрителей займет место пациента. Для облегчения восприятия под картиной были подписаны фамилии помощников Пастера — Виало и Гранше — и его самого.¹⁹

¹⁷ Пробное отделение для прививки яда // Там же. 1886. № 12. С. 325.

¹⁸ См.: Сундуков А. С., Яковлев М. Н. Композиционно-графическая модель журнала «Нива» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 154.

¹⁹ См.: Лечение водобоязни у Пастера // Нива. 1886. № 16. С. 417.

¹⁴ Там же. С. 33, 34.

¹⁵ См.: Там же. С. 34.

¹⁶ Там же.

Количественные данные создавали эффект убедительности информации об апробации нового метода. «Нива» приводила численность привитых (с 1 ноября по 15 декабря 1885 г. у Пастера перебивало 100 человек, а теперь число лечившихся «далеко превышало» цифру в 500 человек) и количество смертельных случаев среди лиц, обратившихся за прививками в 1885 г. («только одно [лицо] скончалось и лишь двое из русских, бывших на излечении, также умерли»). Перечислялись также страны, жители которых поспешили за исцелением в Париж: Россия, Австрия, Англия, Бельгия, Италия, Испания. Основатель метода в докладе Парижской академии использовал статистику для его проверки: «...из 100 человек, которых он лечил, 33 должны были неминуемо умереть, между тем за упомянутыми исключениями все они выздоровели». Статистическими выкладками ученый обосновывал необходимость устройства из его лаборатории международного заведения для прививки яда. Главным посылом этого материала в журнале также являлся вопрос дальнейшей институционализации пастеровского метода, поскольку далее шла речь о многочисленных пожертвованиях на будущую лечебницу (в том числе из различных стран), но больше его интересовало положение дел с антирабической вакцинацией в России: «Петербург и Москва сделали уже почин в этом направлении, а в Одессе поднят вопрос также об учреждении такого заведения». Сообщалось и о сдержанной реакции Пастера на распространение его метода: «должно действовать очень осторожно; при том же в другом климате и при других условиях предохранительная прививка, без основательных и надлежащих опытов и знаний может давать результаты и неблагоприятные...»²⁰

В целом этот текст можно считать скрытой рекламой будущего Института Пастера в Париже и пастеровских станций в России. Однако уже при чтении следующего номера стало ясно, что их трансфер пытаются затормозить. Редакция «Нивы» отступала с пропастеровских позиций постепенно: текст в № 17 за 1886 г. назывался «Мнение Пастера и других о бешенстве» и представлял точку зрения, как создателя нового метода, так и его оппонентов, называвших этот метод шарлатанством (а собак, кусающих людей — не бешеными, а «временно раздраженными»). Смертельные случаи среди

привитых добавили противников прививок, но еженедельник остановился на рассуждениях одного из них — доктора Лоринзера из «Венского медицинского журнала». Тот вопрошал: «...как мог Пастер узнать о присутствии заразного гноя у бешеной собаки, у которой он взял кусок спинного мозга и как он может доказать сообщаемость болезни?» Лоринзер указывал и на то, что из укушенных заболевают не все, что обратный процесс — введение собаке крови умершего от водобоязни, не привел к заражению, и вообще бешенство «обнимает целый ряд разнообразных страданий. Только при одном из них, тифозном, или же ипохондрии, можно допустить заражение». Кроме того, бешенство наступало мгновенно, следовательно, не имело инкубационного периода. Пастер же указывал, что смертельные случаи имели место после укусов не собак, а волков, против яда которых следует употреблять более сильное средство и гораздо скорее.²¹

Вновь дискредитацией прививок еженедельник занялся в № 39 за 1887 г., представив трактат венского профессора А. фон Фриша. Ему отводилась «честь наиболее широкого и основательного» (а главного — беспристрастного) исследователя пастеровского метода, предупреждающего недостаточно информированное человечество: прививка «не только проблематична по приносимой ею пользе», но при ее проведении нельзя исключать возможности «привития совершенно здоровым людям водобоязни, следствием которой может быть смерть». Наукообразность изложения добавляла весомости главному выводу этого эксперта: «...так как кролики и собаки, подвергнутые усиленной прививке в дозе предназначенной для человека, без всякого другого заражения, проявили признаки бешенства, то можно с большой вероятностью предположить, что прививка связана и для человека с весьма серьезной опасностью». В заключение материала говорилось о появлении прививочных диссидентов в Бельгии, Испании, Италии, России и в самой Франции.²²

Критику «пастеризации» облегчали отсутствие данных о микроорганизме, вызывавшем бешенство, и недостаточная изученность этиологии и патогенеза самого заболевания. Остановить негативные оценки могли лишь

²⁰ Там же. С. 416, 418.

²¹ См.: Мнение Пастера и других о бешенстве // Там же. 1886. № 17. С. 444.

²² См.: Пастеровская предохранительная прививка яда бешенства // Там же. 1887. № 39. С. 970.

практические успехи иммунизации, а вести о ее признании поступали оптимистичные, в том числе из Турции. В № 18 за 1886 г. сообщалось, что султан награбил Л. Пастера орденом «Меджидие» I степени и пожертвовал на его будущий институт 50 тыс. франков.²³ В № 31 за 1887 г. писалось о скором открытии еще одной российской пастеровской станции — в Харькове.²⁴ Поэтому журнал не мог пройти мимо прекрасного информационного повода — открытия в ноябре 1888 г. Института Пастера. В № 4 за 1889 г. этому событию посвятили большой материал с шестью иллюстрациями. Чтобы заинтересовать читателя происходящим в далеком Париже, автор текста указал на причастность России к новому заведению: «государь император соизволил принять участие в этом учреждении пожертвованием», которое Пастер считал «даром поистине императорским»; а заведующими сразу двух лабораторий института стали его ближайшие сподвижники, русские ученые И. И. Мечников и Н. Ф. Гамалея.

«Нива» рассказывала об учреждении научно-исследовательского института, до этого подобных учреждений, тем более медико-биологического профиля, нигде не было (их прообразом и считают Институт Пастера) и разъясняла его функции: «...с одной стороны, лечебница для страдающих водобоязнь, центр исследований по всем заразным болезням вообще и, наконец, место преподавания наук, имеющих связь с микробией». Воплощение этой организационной идеи французского бактериолога позволяло автору текста еще выше поднять авторитет ученого в глазах научной и обывательской общественности: его новое детище «не есть лишь храм науки, но и святилище милосердия и человеколюбия», поэтому к прежним ученым заслугам он мог добавить титул «благодетеля человечества».²⁵ Спустя два года (8 октября 1890 г.) похожее учреждение появилось уже в столице России, и в № 7 за 1891 г. еженедельник посвятил ему аналогичную публикацию с вдвое большим числом иллюстраций. Однако подача материала изменилась: парижский институт описывался скорее как комфортное, респектабельное имение магната, на досуге увлекшегося биологией: «...бесспорно наилучшее из современных зданий, приспособленных к научным целям. В нем бездна света и воздуху. Постройки не

скучены. Сад превосходно разбит»; «В главном здании... в нижнем этаже помещается лаборатория доктора Пастера, кладовая, кухни, калориферы и погреб. Второй корпус, соединенный с первым галереей, посвящен специально целям микробиологии. На правой стороне его находится приемная для страдающих водобоязнь; регистратура, архивы, помещение для прививки и проч. размещены в следующих залах. На левой стороне в нижнем этаже помещается аудитория, анатомический театр, зоологический кабинет, фотографическая лаборатория и склады». Упоминалась еще «обширная зала библиотеки», а помещения для животных, необходимых для производства вакцины и экспериментов, не бросались в глаза, поскольку были «рассеяны» позади зданий в саду. Апогеем научного парадиза стала бронзовая статуя «пастушка Жупиля, который изображен в борьбе с бешеной собакой, чем и увековечен его героический подвиг».²⁶ Соответственным был подбор картинок, изображающих внешний вид учреждения, общий вид отдельных помещений.

При описании петербургского института экспериментальной медицины, самым крупным отделом которого вначале была столичная пастеровская станция, читателю как бы предложили по ней экскурсию и провели его через помещения для перевязки раненых, для вскрытия кроликов, для запасных кроликов, для обработки мозга, для осмотра и вскрытия собак, через комнаты для культивирования бактерий, для «исследований микроскопических», для «разливки ядов», для обеспложивания, для микрофотографии. Экскурсовод обходом не ограничился, обратив внимание на специальное оборудование, например, термостаты, посредством которых «поддерживается известная температура продолжительное время в одной степени». Показал он и «образцовую печь для сжигания трупов», «настолько поместительную, что в ней может быть сожжена лошадь вся целиком»; и даже «замечательный по устройству ледник, с отдельными железными углублениями в стенах, предназначенными для хранения трупов животных, ожидающих вскрытия».²⁷ Использование журналом в популярном очерке научных терминов и понятий («культивирование бактерий», «обеспложивание», микрофотография, термостат) свидетельствует, что к тому времени

²³ См.: Медицина // Там же. 1886. № 18. С. 467.

²⁴ См.: Медицина // Там же. 1887. № 31. С. 778.

²⁵ Институт Пастера в Париже // Там же. 1889. № 4. С. 113, 114.

²⁶ Там же. С. 112, 114.

²⁷ Институт экспериментальной медицины // Там же. 1891. № 7. С. 160.

они были знакомы читателю. Виртуальное путешествие по «царству бактерий», в свою очередь, позволяло обогатить его представления, например, о дезинфекции — обязательном условии работ в бактериологии и эпидемиологии. Сообщалось, что стены, полы и потолки постройки выдерживают обработку кислотами и сулемой, «так как покрыты весьма прочною эмалевой краскою» (а бетонные стены — «действие огнем»). Дезинфекция сотрудников, их одежды, белья, обуви производилась в «паровой обеззараживающей палате», а также в русской бане, ваннах, душах. Всюду, где требовалась особая чистота, были устроены стоки с приспособлениями для обезвреживания нечистот и грязной воды, и детально описывалось устройство идеального для того времени (и недешевого) способа их удаления. Автор уделил внимание и всевозможным животным — необходимому в деятельности пастеровских станций элементу, перечислив «отлично устроенные» и просторные помещения для них: собачники, обезьянник, «отдельные домики для кроликов, свиней, приюты для овец, морских свинок, птиц, денники для крупных животных». Многое из сказанного иллюстрировалось рисунками, показывающими не только внешний вид и интерьеры зданий, но и рабочие моменты. Внимание привлекало изображение бешеной собаки в «отличной, крепкой» клетке, которую сотрудник катил «по специально устроенным для таких целей рельсам».²⁸

Вместе материалы про парижский и петербургский институты не только дополняли друг друга в создании образа нового научного учреждения, но и показывали трансфер в действии, причем, по меркам XIX в., почти молниеносный. Преемственность с французским учреждением наблюдалась в «благодетельной» цели и предполагаемой «блестящей будущности» института экспериментальной медицины: «...ему, несомненно, предстоит дать новый толчок на пути исследований в той области, в которой столько потрудились Пастер и Кох». Совпадало их научное значение — в обоих случаях огромное, поскольку и русский институт являлся «грандиозным памятником стремления к знанию, памятником любви к человечеству, новейшим шагом России в ее поступательном движении на пути науки». В тексте признавались заслуги основного актора из российского истеблишмента, способствовавшего трансферу

пастеровского метода и создавшего институт на собственные средства — принцу А. П. Ольденбургскому. «Унаследовав от родителя своего любовь к науке, великодушное служение общему благу и стремление к широкой благотворительности», этим деянием он «обессмертил свое славное имя». Однако, по мнению журнала, трансфер состоял не просто в подражании французской версии, но и в ее улучшении: благодаря своему образцовому устройству и полноте, учреждение в российской столице превзошло заграничные институты и оставило их «далеко позади», «не выключая и парижский институт Пастера».²⁹

Появление крупных центров вакцинации привело к росту доказательности связанной с ней статистики и к появлению ее новых форм, например, лабораторного подтверждения бешенства у покусавшего людей животного. Еще в № 2 за 1890 г. «Нива» сообщала: удалось точно установить, что 80 % от 6 870 человек, уже сделавших прививки, действительно получили укусы от бешеных животных. Определение же доли смертельных случаев по рядам привитых позволило оценить шансы укушенных: при глубоких ранах на лице и руках смертность достигала 4 %, а при незначительных — падала до 1 %. Появилась возможность сравнить ее со смертностью в допрививочный период. Подчеркивая контраст прошлого и настоящего, журнал отмечал, что раньше первая составляла 80 %, а вторая — 15 %.³⁰ В этом же материале подводились итоги работы созданной в Англии комиссии по оценке результатов действия прививок. Для еженедельника это был повод не только подкрепить сказанное выше научным авторитетом И. Листера, Д. Пейджета, В. Горслея, но и использовать прививку от оспы в качестве когнитивной метафоры антирабической вакцинации, поскольку эти ученые заявили, что «пастеровская прививка по ее пользе равнозначуща Дженнеровской оспопрививке». Эта аналогия позволила журналу утверждать, что в обоих случаях «практика далеко опередила теорию», поскольку яд оспы и водобоязни оставался неизвестным.³¹

В № 50 за 1894 г. «Нива» продолжила приводить статистические данные о вакцинации против водобоязни, сообщив, что за последнее

²⁸ Там же. С. 156, 160.

²⁹ Там же. С. 160.

³⁰ См.: Пастеровская предохранительная прививка от водобоязни // Там же. 1890. № 2. С. 60.

³¹ Там же.

полугодие 1893 г. в парижском институте при-
вилось 417 человек (всего два смертельных слу-
чая), а доказать, что их укусило бешеное жи-
вотное, удалось в отношении 264 лиц.³² Однако
тема сходилась с новостной повестки, и публика-
ция в № 39 за 1895 г. была связана только с пе-
чальным поводом — кончиной Л. Пастера. На-
званный «крупнейшим светилом на научном
горизонте всего цивилизованного мира», он
провозглашался учителем русских ученых.³³
Переход к оценочным суждениям роднит этот
текст с поздними публикациями 1913 г. Первая
из них в № 30 была посвящена Всероссийской
гигиенической выставке 1912 г. Пастеровские
станции к этому времени уже давно стали важ-
ной частью профилактической медицины Рос-
сии. Прививки от бешенства назывались «бла-
годетельными», помогающими «страдающему
человечеству».³⁴ Вторая публикация в № 42
посвящалась 25-летию юбилею Института
Пастера, и в ней констатировался успешный
культурно-интеллектуальный трансфер анти-
рабической вакцинации из Франции по всему
миру: «...теперь нет, кажется, ни одной сколь-
ко-нибудь культурной страны, где не слышали
бы о пастеровском институте, и где не было бы
так называемых “пастеровских станций”, слу-
жащих местами предохранительных прививок
против бешенства»; «все эти станции происхо-
дят по прямой линии от парижского пастеров-
ского института».³⁵ Здесь же сообщалась сен-
сационная новость о том, что Х. Ногути якобы
добился того, что не удалось Пастеру — открыл
микроб бешенства. Впоследствии она, естест-
венно, не подтвердилась, однако дала повод
журналу надеяться на появление более дейст-
венных антирабических вакцин.³⁶

Известно о существовании у публики конца
XIX в. огромного запроса на сенсации и более
взвешенную информацию о вакцине против
бешенства. Анализируя динамику публика-
ций в «Ниве», автор пришел к следующим вы-
водам: иницировав рассказ о ней в конце
1885 г., журнал по 1887 г. весьма активно обра-
щался к теме, затем появились признаки насы-
щения информационного пространства. Уже в

тексте про открытие Института Пастера име-
лась оговорка, что имя ученого «слишком из-
вестно, чтоб об нем распространяться». В № 1
за 1892 г., передавая запутанную историю о
мельничихе из Славонии, журнал позволил
себе фразу: «...теперь слишком много говорят
о Пастере и бешенстве, и немудрено, что у лю-
дей истеричных является мания бешенства».³⁷
В некрологе о французском ученом по поводу
его заслуг прямо указывалось: «...все это еще
свежо у всех в памяти и достаточно широко по-
пулярно в печати». Подобное признание
свидетельствовало о завершении журналом
своей миссии. В достаточное для потенциаль-
ного потребителя количество информации об
этой здоровьесберегающей процедуре, по его
мнению, входило формирование представле-
ния не столько о прививании вообще (после
иммунизации против оспы это был пройден-
ный этап), сколько о специфике антирабиче-
ской вакцинации: курс из многочисленных
прививок, постэкспозиционность, использо-
вание не ланцета (как в оспопрививании), а
инъекций. Попутно развивались важные для
усвоения данного трансфера идеи об аттену-
ации микроорганизмов (в случае водобоязни
ослабление вирулентности патогена дости-
галось путем высушивания), о дезинфекции
и стерилизации, о значении животных-про-
дукторов (кроликов) и лабораторных живот-
ных в зарождающейся иммунологической
промышленности.

Даже по номерам журнала видно, что
трансфер протекал не линейно — ему оказы-
валось сопротивление: осуществляя перенос
и адаптацию знаний, в 1886–1887 гг. «Нива»
публиковала материалы и критиков Пастера.
Маркером успешности прививочной кампа-
нии в прессе может служить легкая адаптация
научных понятий, которую можно увидеть
и на примере этого журнала. Если при опи-
сании Института Пастера в 1889 г. фигури-
ровала странная для современного читателя
наука «микробия», то всего через два года в
рассказе об институте экспериментальной ме-
дицины она превратилась в хорошо знакомую
«бактериологию». Стремясь донести до ши-
рокой аудитории тонкости этой науки, жур-
нал пользовался упрощенным языком, чаще
всего заменяя узкоспециальные термины бо-
лее доступными для читателя эквивалентами
или нейтральной лексикой. Распространение

³² См.: Пастеровский институт в Париже // Там же. 1894. № 50. С. 1230.

³³ Луи Пастер // Там же. 1895. № 39. С. 937, 938.

³⁴ Всероссийская гигиеническая выставка // Там же. 1913. № 30. С. 595.

³⁵ Институт Пастера в Париже. К 25-летию основания Института Пастера и ученой деятельности в нем И. И. Мечникова // Там же. 1913. № 42. С. 834.

³⁶ См.: Микроб бешенства // Там же. 1913. № 42. С. 836, 837.

³⁷ Мания бешенства // Там же. 1892. № 1. С. 19.

сведений об антирабической вакцине на его страницах подтверждает, что научно-популярный жанр фиксирует внимание на результатах науки и продуктах научного творчества, а не на логических доказательствах и аргументации. Последние в изложении «Нивы» как раз были свойственны критическим заметкам о методе Пастера. Поначалу в сообщениях о прививках преобладало эмоциональное воздействие на читателя, но в дальнейшем журнал старался усилить рациональную составляющую, демон-

стрируя их пользу или привлекая внимание необычностью, новизной и оригинальностью предмета изложения. Самыми распространенными формами его контента были сведения о появлении пастеровских станций и институтов — материализованного результата внедрения инновации (и визуализация этих объектов), обращение к статистике, апелляция к авторитету знаменитых ученых и глав государств, поощрявших французского бактериолога наградами и деньгами.

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *avokilog@mail.ru*

PROMOTING OF ANTI-RABIES VACCINATIONS AS A CULTURAL
AND INTELLECTUAL TRANSFER OF PASTEUR'S METHOD TO RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF THE "NIVA" WEEKLY JOURNAL)

The article deals with promoting of knowledge of anti-rabies vaccinations as the channel of dissemination of bacteriology achievements. This cultural practice became one of the conditions for the transfer to Russia of the rabies immunoprophylaxis developed in 1885 by L. Pasteur. The analysis by means of social and psychological approach of publications in "Niva" (the illustrated weekly journal) showed that this popular magazine was focused not on scientific search, but on its ready-made product, trying to abstain from the presentation of logical proofs and arguments. The most common forms of the journal content were: data on emergence of Pasteur stations and institutes — the materialized result of introduction of an innovation — and visualization of these objects, medical statistics, the appeal to authorities of the famous scholars and heads of states encouraging the French bacteriologist with awards and money. The weekly sought to form in the potential consumer of the vaccine an idea not so much about vaccinations in general (after immunization against smallpox, this was a passed stage), but about the specifics of anti-rabies vaccination, which was characterized by a course of numerous vaccinations, post-exposure vaccination, the use not of a lancet (as in smallpox vaccination), but injections. In addition, the weekly provided its reader with information important for assimilation of this transfer knowledge: on attenuation of microorganisms (in case of rabies, the weakening of the pathogen virulence was achieved by drying), on disinfection and sterilization, on the value of animal producers (rabbits) and laboratory animals for the emerging immunobiological industry.

Keywords: *transfer, cultural practices, promoting, immunoprophylaxis, anti-rabies vaccination, "Niva" magazine*

REFERENCES

- Alekseev I. E. [Prerequisites and main stages of the creation of the Bacteriological Institute at the Imperial Kazan University]. *Razvitiye regionovedcheskikh issledovaniy v Rossiyskoy Federatsii: osobennosti i osnovnyye napravleniya* [Development of regional studies in the Russian Federation: features and main directions]. Kazan: Institut tatarskoy entsiklopedii AN RT Publ., 2018, pp. 213–237. (in Russ.).
- Andryushkevich T. V., Mazing Yu. A. [Saint-Petersburg Pasteur station]. *Meditinskiy akademicheskii zhurnal* [Medical academic journal], 2011, vol. 11, no. 3, pp. 112–121. (in Russ.).
- Gneushev S. M. [Bacteriological Institute named after Ivan and Zinaida Churin at Tomsk Imperial University: on the history of opening]. *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomsk)* [The fate of the regional center in Russia (on the 400th anniversary of Tomsk)]. Tomsk: TomGU Publ., 2005, pp. 217–220. (in Russ.).
- Hekten E. [Science in the local context: interests, identities and knowledge in the construction of Russian bacteriology]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2001, no. 3, pp. 37–62. (in Russ.).

Latour B. *Paster: Voyna i mir mikrobov, s prilozheniyem "Nesvodimogo"* [Pasteur: War and Peace of the Microbes Followed by «Irreductions»]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015. (in Russ.).

Makhonina S. Ya. *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX v.* [History of Russian journalism of the early 20th century]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2004. (in Russ.).

Mazing Yu. A., Andryushkevich T. V. [Creation of the Institute similar to Pasterovsky in Paris]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina* [Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine], 2013, no. 4, pp. 226–254. (in Russ.).

Retin N. F. [Healing the doomed. A Brief chronicle of the Samara Pasteur Station]. *Grotovskiye chteniya — 2018* [Grotov Readings — 2018]. Samara: Art-Light Publ., 2019, pp. 65–83. (in Russ.).

Sherstneva E. V. [The first Pasteur stations in Russia]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, Russian Journal], 2012, no. 2, pp. 56–59. (in Russ.).

Sundukov A. S., Yakovlev M. N. [Composite and graphical model of the magazine “Niva”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2015, no. 2, pp. 153–154. (in Russ.).

Для цитирования: Голикова С. В. Популяризация антирабических прививок как часть культурно-интеллектуального трансфера в Россию пастеровского метода (на примере еженедельника «Нива») // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 45–54. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-45-54.

For citation: Golikova S. V. Promoting of antirabies vaccinations as a cultural and intellectual transfer of Pasteur's method to Russia (on the example of the “Niva” weekly journal) // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 45–54. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-45-54.